

ПОСТИЧЬ ГЛУБИНУ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Открытие очередного концертного сезона всегда приближается на волнах нетерпеливого ожидания. И ожидания радостного: новый сезон обещает премьеры, встречи с незнакомыми артистами и артистами, давно почитаемыми.

На сей раз «традиционный сбор» филармонической публики возвестили выступления симфонического оркестра под управлением его художественного руководителя и главного дирижера, заслуженного артиста РСФСР С. Когана. Две программы включали 48-ю симфонию Гайдна и 8-ю Шостаковича, концерты Шопена (2-й фортепианный) и Мендельсона (для скрипки и фортепиано с оркестром), Ноктюрны Дебюсси. Наряду с ними состоялся необычной формы концерт «Часовые любви», который подготовили заслуженная артистка РСФСР Е. Комарова, пианист Д. Дубинской, режиссер Ю. Синельникова, музыковед А. Цукер.

Но разговор – о симфонических вечерах. Следует сразу сказать: концерты разочаровали и обеспокоили. Этого не могли не ощутить все те (к ним относит себя и автор этих строк), кто неравнодушен к судьбе Ростовского симфонического. Суммируя многочисленные претензии, отыскивая их «общий знаменатель», приходишь к выводу: тяжелый урон понесла сама образно-стилевая атмосфера исполненных произведений, то есть их художественная идея, суть и смысл, – даже там, где авторский текст был воспроизведен верно. Было бы наивным максимализмом требовать от каждого исполнителя непременно нового, оригинального прочтения музыки, но слушатель вправе рассчитывать на интерпретацию целостную и осознанную.

Налет необязательности, случайности чувствовался уже в компоновке программ. Плохо уживаются «под одной крышей» Гайдн и Дебюсси. Крайне рискованно соседство отнюдь не легкой для восприятия гениальной симфонии Шостаковича и изящного, приятного на слух «пустячка» – в меру эклектичного и юношески незрелого сочинения 14-летнего Мендельсона (в иной программе оно вполне могло бы найти себе место).

В симфонии Гайдна – технически, пожалуй, наиболее проработанной музыкантами, сначала показалось, что замысел дирижера состоял в обнаружении своеобразных стиливых «предчувствий» – Бетховена и даже Шуберта (1–2-я части). Но идея эта, с одной стороны, не реализовалась достаточно вразумительно, с другой – повредила «гайдновскому» в произведении. Герой его предстал, особенно в 3-й и 4-й частях, респектабельным и добропорядочным, недалеким и тяжеловесным господином, тогда как ближе к истине был бы портрет выходца из простонародья – умного и лукавого, поэтичного и легкого на подъем.

Из двух ноктюрнов Дебюсси («Облака» и «Празднества») легче слушался второй, где музыкальная ткань более «материальна». В первом же явно не

хватало столь необходимого тут волшебства колорита: игры цвета и света, тонких оттенков, полутонов.

Всё, казалось, сулило успех в концерте Шопена. Е. Могилевский считается пианистом романтического склада, отмечено его умение лепить крупную форму. Наш оркестр традиционно силен в аккомпанементе. К сожалению, мы не услышали ни «одухотворенного фортепианного звука» (слова Могилевского), ни стройного целого, ни подлинного контакта между оркестром и солистом.

Вполне достойно выглядел дуэт Ц. Квернадзе (фортепиано) и А. Михлина (скрипка), солировавших в двойном концерте Мендельсона: они представили, по крайней мере, добротню выполненную, технически гладкую работу, слаженный ансамбль. Однако художественное несовершенство музыки, усугубленное не очень чутким оркестровым сопровождением, не позволили и этому произведению доставить слушателям неподдельную радость.

На ростовскую премьеру 8-й симфонии Шостаковича музыкальная общественность города возлагала, безусловно, самые большие надежды (созданная в 1943 году, она нечасто звучит даже в Москве и Ленинграде). Тем болезненнее переживается неудача. С. Когану ближе, по-видимому, музыка ярких, сочных расцветок, музыка открыто эмоциональная. Симфония подразумевает выдвижение на передний план начала интеллектуального, прежде всего в медленных частях (1-я и 4-я). Драматизм здесь – это драматизм концентрированной, напряженно ищущей мысли, в то время как чувство лишено чувствительности и словно поверено разумом. Прозвучали же эти части довольно вяло. Особого подхода требовали и быстрые средние части, с потрясающей силой и небывалой масштабностью запечатлевшие звериный облик милитаризма. Так, к примеру, в марше музыка рисует разнузданную глумливость грубой силы, а потому слишком уж благородный тон струнных тут неуместен. А в начале 4-й части, наоборот, неоправдан «рык» медных: в провозглашении главной темы можно подчеркнуть гневный пафос, протест, крайнее напряжение духовных сил, но не злобу. (Кстати, медные и ударные показали себя в целом неплохо, потому и более убедительны громкие кульминации, прозвучавшие собранно и ритмично). И в финале осталась невоплощенной робкая улыбочка, незащищенная «детскость» этой музыки. В результате не был достигнут уровень той вселенских масштабов этико-философской трагедии, которую создал композитор.

Может показаться, что критерии оценки первых выступлений оркестра в новом сезоне несколько завышены. Но это оправданно, если учесть, что за точку отсчета брались не отвлеченные вершины мастерства, а лучшие концерты этого же коллектива, которые мы слышали в последнее время и которые, уверен, услышим в будущем.

Комсомолец. 1982. 23 окт.